нием выслушать человека. Москвичи — это особая нация, и северяне — особая нация. Я как-то ухитряюсь это в себе совместить. Я мало что помню о Котласе, но ощущение морозной зимы и белого, очень чистого снега — это незабываемо.

Казалось бы, есть провинциальные корни — должны быть и напористость, жесткость, умение идти по чужим судьбам ради своих целей. Но с Алентовой этого не случилось. Может быть, потому что сказалось интеллигентное мамино воспитание, а может быть, потому что Вера, по ее словам, достаточно рано, года в три, почувствовала себя самодостаточной, обрела чувство собственного достоинства. Сегодня она может признать:

Несмотря на то, что я выросла в театральной среде, я очень отличалась от ее богемного проявления. По молодости я пыталась надеть на себя несвойственную мне маску "своего парня", но очень быстро поняла, что мне это не идет, и стала принимать себя такой, какая есть. Хотя это было очень трудно: я чувствовала себя "белой вороной".

"Особость", некоторая отстраненность всегда читались в ее глазах.

Вера Алентова нетривиальна, и в ролях, и в жизни. И ее путь в кино — тоже не стандартная дорога "актерской дочки". После школы она сдает экзамены в Барнаульский мединститут, чтобы не огорчать маму, но не добирает баллы и решает пойти в Барнаульский драмтеатр, куда ее брали даже без диплома. Но мама сказала очень строго: "Ты хочешь быть актрисой? Езжай в Москву и поступай. Талантливая — возьмут, бездарная — нечего делать в театре. А сейчас пойдешь работать на завод". Вера как-то сразу поняла, что мама права, и пошла работать. А через год поехала в Москву, не зная ничего, как и многие абитуриенты. И опоздала. Но все-таки успела буквально влюбиться в Школу-студию МХАТ, в запахи старого театра, в полутемные переходы, в библиотеку со старинными книгами, в доброжелательную атмосферу. А через год Вера снова приехала в Москву. Теперь — только во МХАТ. И поступила на курс к В. О. Топоркову и В. П. Маркову.

Здесь она почувствует радость актерской игры, обретет друзей; здесь встретит свою любовь — Владимира Меньшова, будущего кинорежиссера, мужа и друга на всю жизнь.

Москва меня не оглушила. Я поняла, что Москва — это мой город, я поняла, что я несовершенна и мне очень многому надо учиться. И учиться люблю по сию пору, когда спрашивают, пришлось ли мне его завоевывать, этот город, — пожалуй, нет. Как-то все происходило демократично: мне казалось, что я нуждаюсь в нем ровно настолько, насколько он нуждается во мне. И мне не казалось это наглостью, совсем не казалось. Я обретала себя, и до сих пор люблю Москву как город, подаривший мне радость творчества.

Много работая в театре имени Пушкина, в кино она пришла уже зрелым мастером, и 1980—1990-е годы стали для нее временем осознания себя как киноактрисы. "Время" — слово ключевое для Алентовой. Это понимаешь, вспоминая два важных для нее фильма — "Время для размышления" и "Время желаний". Две героини — абсолютно разные по натуре — становятся для Алентовой воплощением тех дорог, по которым может пойти женщина.

"Время для размышления" С. Ашкенази сперва назвал "После развода". Бывшие супруги не могут расстаться мирно и вовлекают в свой конфликт ребенка, друзей и подруг, родителей мужа, нового возлюбленного героини... Ссора разрастается, как снежный ком, срывается отпуск. Аля — героиня фильма — не слышит голоса рассудка, мечется, страдает сама, мучает ребенка и любимого человека — во имя чего?

Только чувства, только эмоции — и все взахлеб, через край, до боли.

Это такой узнаваемый характер: женщина в стрессовой ситуации, когда плохо и ей, и всем вокруг. Понимание к ней приходит в финале, когда она разговаривает с чужим мудрым ребенком и потом идет к своему сыну, ложится рядом и как бы закрывает его собой от всех возможных будущих бед.

Найди для Али *белую лилию*: роскошную, но несущую гибель цветам, оказавшимся с ней в одной вазе. Не смерть, конечно, но боль и страдания несет всем эта женщина. Во имя любви.

А Светлане, героине фильма Ю. Райзмана "Время желаний", подари *вьюнок*. Он тянется к солнцу, к свету, оплетая другие цветы и не замечая, что уничтожает их.

Эта женщина все сделала своими руками. Зачеркнула свое прошлое, изменила фамилию и адрес. Она так хотела выбраться из той среды, в которой жила! И выбралась, и пошла дальше... Она шла сама и тащила своего мужа. Если бы она его любила, то видела бы глазами любви, что он слаб и не может взять "ту высоту", которую она ему предлагает. Но она этого не замечала и тянула его на высокую должность, считая, что имеет право стать женой начальника. Светлана излучает разрушительную энергию, и опять понимание приходит лишь в финале, после смерти мужа. И ее страшный крик — это крик прозрения, обретения чего-то...

Какие разные дороги... Сердце или разум? Созидание как разрушение или разрушение как созидание? Вера Алентова проводит своих героинь по трудному пути выбора — и они меняются, находят для себя что-то новое, главное, необходимое. Это тоже женщины своего времени, ищущие любовь и борющиеся за нее.

Киноролi — это люди, которые мне интересны, и я хочу, чтобы они были интересны зрителю. Я люблю все свои роли. Каждая — это человек, который мне дорог, близок теми или иными качествами. Я играла разных женщин, сильных и слабых, умных и глупых, обаятельных и не очень. Но я всегда старалась найти то, что меня с ними объединяет и может быть интересно другим.

В роли Кати Тихомировой (к/ф "Москва слезам не верит")

Актер — профессия публичная, требующая абсолютной открытости и раскованности. А Вера Валентиновна всегда была и сейчас остается, по ее собственному признанию, "почти стопроцентно закрытым человеком", каждый раз удивляясь, что при таком характере она стала актрисой. Действительно, кроме таланта, пунктуальность, обязательность, трудолюбие, дотошность — отличительные черты Веры Алентовой. Без них невозможными бы стали те киновзлеты, которые случились в ее судьбе в последние годы. Блестящие роли в фильмах В. Меньшова "Ширли-мырли" и "Зависть богов", снова разные, дающие простор актерской фантазии. Вера Валентиновна смеется:

В "Ширли-мырли" одна из моих героинь, американка, — абсолютная дура, и это замечательно. Есть такой тип женщин. Смотришь на нее и думаешь: как ей хорошо, как легко живется. Очень интересно было это играть.

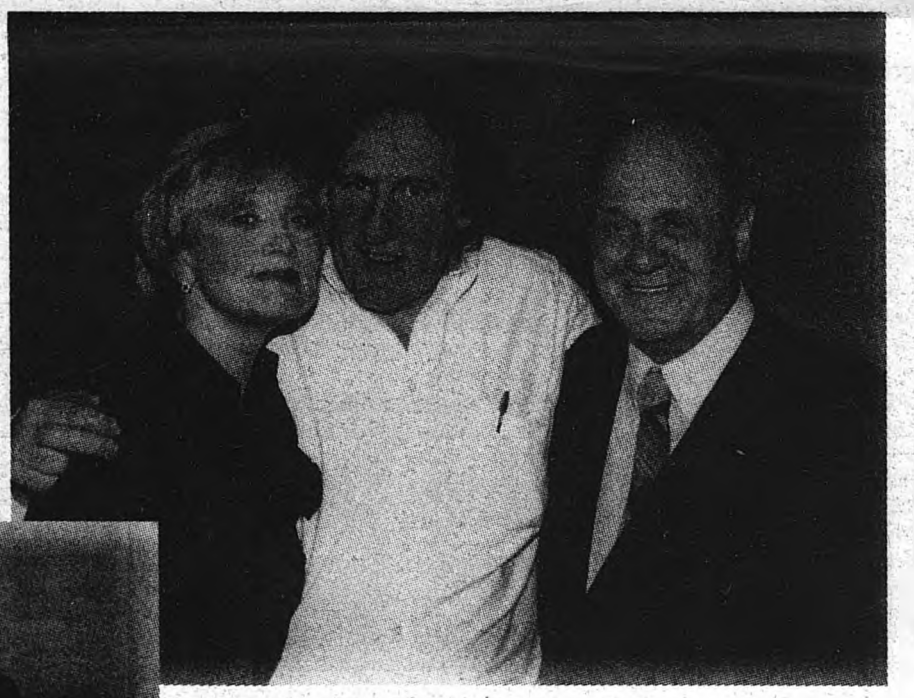
В "Зависти богов", напротив, ум и интеллигентность Сони борются со страстью, это всеохватное чувство Алентова играет виртуозно.

Примите *ветку сирени*, Вера Валентиновна. Ее цветы похожи на всполохи салюта, брызги шампанского, искры фейерверка. В их аромате — запах майского утра, первой грозы и прогретой солнцем террасы дома. Дома, в котором Вас любят и ждут.

Очаг — это женщина, его хранительница. Женщина держит дом, но в доме тепло должно быть всем. Когда я делала ремонт, обставляла комнату дочери не по своему вкусу, а так, как хотела она. А в кабинете мужа я учитывала, что он не любит, когда книжные полки закрыты стеклами: книгу должно быть удобно сразу найти и взять в руки. Так я и сделала. Я хотела, чтобы дом был Домом для каждого из нас, где каждому было бы уютно. Я люблю свой дом, и мои домашние его любят...

...Вспыхивает свет в зрительном зале. Ты встаешь, приветствуя вышедших на поклон артистов. Подари им цветы, даже без "значения". Просто так. Право, они это заслужили.

Наталья СОЛОВЬЕВА,
театровед



С французским артистом Жераром Депардье и Владимиром Меньшовым на съемках фильма "Зависть богов". *Москва. Конец 1990-х годов*

С мужем Владимиром Меньшовым и дочерью Юлей. *1980-е годы*